

А. Куприн

О романе П.Н. Краснова "От двуглавого орла к красному знамени"

Две части заняли 550 страниц, правда, не очень убористого шрифта; из этого можно заключить, что весь роман выйдет размером мало-мало меньше "Войны и мира", -- задача огромная. Начавшись с холостого кутежа у офицера гвардейской кавалерии, в первые годы царствования Николая II, роман ныне дотянулся до дня объявления войны с Германией. Без сомнения, дальше развернутся в нем: война, революция, большевистское засилье, первые попытки борьбы с ним и, может быть, картины из эпохи добровольческих войн.

У П.Н. Краснова есть о чем сказать. Видел и испытал он за эти времена так много страшного и величественного, уродливого и прекрасного, что хватило бы на десяток средних, заурядных жизней. И надо признать, судя по первому тому, что все, близко знакомое автору, лично им наблюденное и пережитое, он умеет передавать ярко и выпукло, с настоящим мастерством, с особенно широким подъемом в массовых сценах, с благородным пафосом. Это все плюсы; о них под конец, для загладки. Начнем с минусов произведения.

Местами оно написано, как выражался Чехов, "по старинке", в формах и тонах, давно забытых нынешней русской литературой, которая, порой в ущерб вескости глубины и содержательности рассказа, дошла, с легкой руки того же Чехова, до замечательной кропотливой выразительности в технике.

Странное впечатление архаизма производит пролог к роману ("Вместо предисловия"). Молодой солдат узнает в едущем в товарном вагоне (зимой 1918 года) седоусом барине известного генерала Саблина и выдает его толпе красноармейцев. Солдат этот, между прочим, чрезвычайно похож лицом на самого генерала, те же черты, та же породистость. Впоследствии в романе мы увидим, что у Саблина действительно есть сын, дитя незаконной мимолетной любви. Но пролог кончается обрывисто. Генерал бросился в толпу с револьвером в руках... Далее строка многоточия, затем автор предлагает отвернуть несколько листов пережитого прошлого и разобраться в причинах: почему одна часть русской армии стала в такое непримиримое отношение к другой. Словом, пролог в духе романов XIX столетия.

Не задался П.Н. Краснову социалист Коржииков -- очевидно, нынешние социалисты остались вне поля зрения автора; графариетны оба начальные любовные эпизоды его героя. Не так остро, как можно было бы это сделать, описан юный кружок либеральной генеральши Мартовой (сколько таких кружков мы видели в свое время). Мысли молодого Саблина о судьбе России не отличаются ни глубиной, ни оригинальностью: честолубивый и умный Витте вряд ли когда-нибудь находился под влиянием западных масонов, и евреи в своей средней массе вовсе не радовались объявлению войны, а наоборот, ужасались за участь своих призывных юношей, из которых многие полегли с честью на поле брани; могла радоваться лишь небольшая часть интернациональных дельцов, которые рассчитывали нажиться на поставках, спекуляциях и валюте и действительно нажились, как мы это видим...

Словом, "мир" выходит пока у П.Н. Краснова слабее "войны". Но в военных сценах он проявляет себя настоящим художником, находит подходящие краски, обнаруживая и правдивость, и силу, и выразительность языка. Очень хорошо написаны: высочайший парад в Красном Селе, караул в Зимнем дворце, вечерняя зоря с церемонией, казачья джигитовка, маневры, большой бал во дворце... Пусть строгий читатель, верный хранитель заветов и завоеваний революции, не особенно сурово судит корнета Саблина за те чувства восторга, умиления и преданности, которые его охватывают при появлении государя на великолепном смотре. Те же чувства в свое время испытали и чудесно передали их и непреклонный Толстой, и кристально-чистый Гаршин. Ладно, уже то, что П.Н. Краснов написал после них свои собственные слова, и когда читаешь их, то поневоле думаешь: какая громадная силища и какая прочная спайка была в этой русской армии до тех пор, пока звания разлагателя и дезертира не сделались почетными, и пока не были перебиты на войне, в чрезвычайках и в гражданской междоусобице почти все кадровые офицеры, эти милые Степочки Пики, корнеты Саблины, Ротбеки и другие...

Очень ценно и редко то, что своего героя, Саблина, за которым мы будем следить еще на продолжении трех толстых томов и в сознании которого преломляются все перипетии романа, автор сумел, в противность почти всем русским романистам, сделать живым лицом, с настоящей кровью и со своими человеческими недостатками. Когда солдат Любавин (он же социалист-разлагатель), брат обольщенной Саблиным девушки, пришел к нему ночью, обругал непотребными словами, выстрелил в него и промахнулся, а потом убежал от офицера и даже совсем из полка в гущу революции, Саблин терзается, но молчит; считает себя и мундир опозоренными, но не стреляется и из полка не выходит; от знакомства со своей любовницей отказывается и очень рад, когда офицеры покрывают подозрительные пятна на его репутации согласным молчанием.